

Иван Васильевич Петров

кандидат исторических наук, ассистент Института истории Санкт-Петербургского государственного университета

ПРАВОСЛАВНОЕ ДУХОВЕНСТВО СЕВЕРО-ЗАПАДА РОССИИ В 1944 ГОДУ: ОБЪЕДИНЕНИЕ ПОСЛЕ ОККУПАЦИИ И БЛОКАДЫ

Аннотация. 1944 год стал определяющим в жизни Ленинградской митрополии. После знаменитой встречи Сталина с тремя митрополитами в Москве, обновленческие миряне и священники города согласились на воссоединение с Московской Патриархией. Согласились на воссоединение и прихожане Свято-Троицкой церкви в Лесном, ранее не признававшее власть митрополита Сергия (Страгородского). Наконец, освобождение территории Северо-Запада России от нацистов привело к воссоединению приходов, ранее действующих на оккупированной территории, с духовенством Ленинграда.

Ключевые слова: Обновленчество, блокада, оккупация, духовенство, Вторая мировая война, Ленинград

1944 год в истории православных приходов Ленинграда и Ленинградской области стал знаковым по нескольким причинам. Безусловно, именно в этом году блокированный город смог снова вернуться к относительно мирной жизни, в Ленинград стали возвращаться эвакуированные горожане, население с новыми силами взялось за восстановление «колыбели трех революций». Однако для Православной Церкви 1944 год означал намного больше, чем просто год, положивший окончание вражеской блокады. С уверенностью можно назвать 1944 год временем окончательного преодоления разделений в среде местных православных приходов, а также периодом воссоединения тех клириков и мирян, которые пребывали на протяжении почти трех лет под нацистской оккупацией, с блокадниками.

Наиболее острой болью для верующих и духовенства было продолжавшееся на протяжении двух десятилетий обновленческое разделение. Еще в 1943 году нельзя было представить, чтобы обновленцы лишились своего стратегического центра — Ленинграда. Именно в этом году состоялась архиерейская «хиротония» женатого «протопресвитера» — обновленца Сергия Румянцева — в епископа Ленинградского «архиепископом Звенигородским» Андреем (Расторгуевым) и «епископом Самаркандским» Сергием (Лариным) в Москве¹. С учетом того, что Румянцев весь период войны находился в осажденном городе, его транспортировка в столицу СССР была одобрена властями и проведена с их помощью.

После встречи Иосифа Сталина с тремя митрополитами и последующим за этим избранием Патриархом Московским и всея Руси митрополита Сергия (Страгородского), положение обновленцев в стране ухудшилось и перед ними встал вопрос о том, каким образом и при каких условиях воссоединиться с Московской Патриархией. Безусловно, эта проблема встала и перед ленинградскими обновленцами, центром которых стал к тому времени Спасо-Преображенский собор. Настоятелем собора являлся «протопресвитер» Павел Фруктовский, настоятель собора в 1941–1944 годах.² Фруктовский был поборником той точки зрения, что не надо ждать слияния двух юрисдикций, а следует начать процесс воссоединения «снизу». Другой священник, Лев Егоровский, напротив, считал, что объединяться можно только после того, как обновленческие авторитеты в Москве положительно решат вопрос о воссоединении. Кроме того, среди ряда активистов Спасо-Преображенского собора существовала радикальная группа, высказывавшаяся за сохранение в городе своей юрисдикции и противившаяся «объединительным» идеям³.

Новый 1944 год начался с воссоединения Спасо-Преображенского собора. Уже во время рождественских праздников миряне узнали, что «разделение более невозможно», и с 9 января 1944 года бывший ранее кафедральным собором обновленческой ориентации храм перешел в юрисдикцию Московской Патриархии, а его настоятелем стал один из основных священников патриаршей ориентации блокадного периода — протоиерей Павел Тарасов.

Для того, чтобы окончательно перевернуть «обновленческую» страницу истории православного Ленинграда, необходимо было решить вопрос с «епископом» Сергием Румянцевым. 24 июля 1944 года, по прошествии полугода после воссоединения Спасо-Преображенского собора, в Николо-Богоявленском соборе при участии временно управляющего Ленинградской епархией архиепископа Псковского и Порховского Григория (Чукова), а также протоиереев Филофея Полякова, Павла Тарасова и Николая Ломакина, Румянцев принес покаяние. В нем было особенно отмечено, что «здание обновленчества было построено на песке», в результате чего Румянцев признавал, что «был послушником Божиим» и был готов теперь «принести искреннее раскаяние» и «уйти из обновленческой организации»⁴.

Любопытно отметить, что видный обновленец не только не испытывал серьезных прещений после возвращения в Московскую Патриархию, но, наоборот, очень быстро нашел себя в

¹ Центральный Государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб). Ф. 7384. Оп. 3. Д. 67. Л. 97.

² Архив Санкт-Петербургской епархии (АСПБЕ). Ф. 1. Оп. 3(2). Д. 358. Л. 3.

³ Ломагин Н.А. Неизвестная блокада. Кн. 2. СПб., 2004. С. 406–408.

⁴ АСПБЕ. Ф. 1. Оп. 3(2). Д. 199. Л. 15.

новых условиях. Совсем скоро Румянцев стал преподавателем в открывшихся в Ленинграде пастырско-богословских курсах, в 1946 году был временным членом правления Ленинградской духовной семинарии. В 1953-1964 годах мы можем увидеть протоиерея Сергия Румянцева на должности бессменного секретаря ленинградских митрополитов¹.

Еще один штрих: первым местом служения бывшего «епископа» после воссоединения стала Свято-Троицкая церковь в Лесном. К концу 1930-х годов именно этот храм был последней легальной церковью иосифлянской общины Ленинграда. Постепенно терявшее в результате деятельности советских властей и прямых репрессий силу движение всё же имело в городе своих сторонников, а также легальную возможность служения. При этом в Ленинграде в период блокады существовали и тайные общины иосифлян, которые преследовались советскими специальными органами.

Что касается Свято-Троицкой церкви в Лесном, то в период блокады ее настоятелем являлся иеромонах Павел (Лигор) (с 1938 года). В начальный период блокады священник был выслан из блокированного города в Уфу после обвинения в нарушении светомаскировки². Однако иеромонах Павел сумел вернуться в город и продолжить свое служение.

В 1943 году настроение прихожан храма изменилось. После эпохального для Православной Церкви сентября 1943 года в среде мирян стали всё отчетливее звучать возгласы за объединение с Московской Патриархией. Подобного рода настроения можно объяснить несколькими причинами. Первая — жесткие репрессии против служивших нелегально в Ленинграде непоминающих. Так, архимандрит Клавдий (Савинский) был расстрелян в Ленинграде в августе 1942 года, а священника Михаила Рождественского от такой же судьбы спасло только смягчение судебных решений, последовавшее после прорыва блокады в январе 1943 года³. Репрессиям были подвергнуты и рядовые члены общины, укрывавшие у себя духовных лиц. Вторая причина — определенная тупиковость существования общины Свято-Троицкой церкви. В период блокады ее члены участвовали в патриотических сборах, поддерживали советскую власть в ее борьбе с нацистами. Теперь, после того, как стало ясно, что исход войны предрешен, к тому же сама Московская Патриархия обрела предстоятеля в лице Сергия (Страгородского), они должны были или согласиться на уход в подпольное положение, либо пойти на воссоединение. В октябре 1943 года последовало обращение членов общины митрополиту Ленинградскому и Новгородскому Алексию (Симанскому) с желанием не только объединиться с Московской Патриархией, но и принять советский государственный строй⁴.

Воссоединение произошло в ноябре 1943 года. Важным отличием от обновленцев стало неприятие идеи воссоединения со стороны иеромонаха Павла (Лигора). Будущий патриарх Московский и всея Руси принял решение лишить Лигора монашества и запретить его в служении. Однако сам иеромонах отказался принять это решение и уже в 1944 году начал совершать нелегальные богослужения на кладбищах. Только тяжелое материальное положение, а также невозможность устроиться на гражданскую работу, приводит иеромонаха Павла к мысли о переходе в Московскую Патриархию. Окончательно вопрос решился в 1949 году. Тогда последовало его назначение псаломщиком к церкви на Смоленском православном кладбище⁵.

В период нацистской оккупации некогда столичная митрополия была разделена линией фронта. С августа 1941 года на территории Северо-Запада России действовала «Право-

¹ Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГАИПД СПб). Ф. 25. Оп. 33. Д. 20. Л. 7.

² Православное церковное сопротивление в СССР. Биографический справочник. 1928–1988 гг. / Авт.-сост. М.В. Шкаровский и Д.А. Анашкин, отв. ред. М.В. Шкаровский. М., 2013. С. 128.

³ Шкаровский М.В. Судьбы иосифлянских пастырей. Иосифлянское движение Русской Православной Церкви в судьбах его участников. Архивные документы. СПб., 2006. С. 303.

⁴ ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 33. Д. 126. Л. 214–215.

⁵ Православное церковное сопротивление в СССР... С. 128.

славная миссия в освобожденных областях России», вошедшая в анналы истории как Псковская православная миссия. Организована была она старанием верного ученика митрополита Сергия (Страгородского), экзарха Прибалтики Сергия (Воскресенского). Отказавшись от эвакуации вглубь Советского союза, митрополит Виленский и Литовский смог выработать модуль отношений с оккупационными властями, благодаря которому представителям Православной Церкви были предоставлены самые широкие возможности для миссионерской деятельности.

Однако по мере освобождения Северо-Запада от нацистов вставал вопрос о том, что делать с теми храмами, которые были открыты в условиях нацистской оккупации, а также появилась проблема признания священников, назначенных на вновь открытые приходы. Решить этот вопрос можно было двумя путями — специальными поездками представителей ленинградского духовенства на места, а также составлением обширных докладов, благодаря которым можно было составить мнение о приходской жизни в период войны. Сразу хочется заметить, что руководство миссии, так же, как и огромное количество рядовых пастырей и мирян, покинули пределы Северо-Запада России и влились в состав внутренних миссий, организованных для эвакуированного православного населения на территории современных Латвии и Литвы.

Одним из первых в «разведывательную» поездку на места отправился бывший член обновленческого епархиального управления Александр Шишкин. Он был настроен довольно критично к деятельности той части пастырства, которая входила в состав Псковской миссии, из-за чего старался подчеркнуть «пронемецкий» характер ее деятельности. Во время поездок в Гатчину и Сиверскую можно разглядеть следующее резюме, собранное Шишкиным: количество храмов увеличилось в разы, однако далеко не все представители духовенства сумели в период войны сохранить свою патриотическую позицию и удержаться от сотрудничества с врагом Советского союза.

Наиболее важная для нас деталь: даже столь критически настроенный по отношению к служившим в условиях нацистского владычества человек как Александр Фёдорович Шишкин отмечает, что духовенство жаждет воссоединения с Московской Патриархией¹. Подобная же оценка отчетливо звучит в докладах и других «визитеров» ранее оккупированных районов Северо-Запада России, таких как псаломщик Сергей Плескач² или протоиерей Николай Ломакин³.

Что же касается духовенства, служившего на временно оккупированной территории, то его в докладных записках чаще всего делили на разные категории, в зависимости от степени лояльности к нацистскому режиму. Александр Шишкин, например, четко выделял тех, кто помогал советскому подполью и участвовал в просоветской политической агитации, несмотря на опасность быть репрессированными (так, священники Александр Петров из Гатчины и Иоанн Суслин из Орлино были казнены за агитацию в поддержку Красной армии). Вторая категория по Шишкину — «молящиеся за Адольфа Гитлера» и победу германского оружия⁴. К этой категории предполагалось относиться настороженно, помня их нелояльность не только к гражданским властям, но и непомянутое за богослужениями имени избранного в Москве Патриарха.

Необходимо понимать, что руководители Псковской православной миссии находились тогда вне зоны досягаемости церковных авторитетов из Ленинграда. Как только Красная армия продвигалась вперед, органы СМЕРШа проявляли особое внимание к духовенству, ранее относящемуся к числу клириков Псковской духовной миссии. Наиболее известные из них, в случае если не успели или не захотели по самым разным причинам эвакуироваться дальше

---

¹ ЦГА СПб. Ф. 9324. Оп. 1. Д. 7. Л. 20.

² ЦГА СПб. Ф. 9324. Оп. 1. Д. 7. Л. 2-2об.

³ Там же. Л. 15-15об.

⁴ Там же. Л. 20.

в Европу, арестовывались и подвергались репрессиям. На Северо-Запад России же возвращались духовные лица, которых было сложно обвинить в пособничестве немцам или же уличить в «профашистской» деятельности. Их нейтральное отношение к оккупационным властям, по сути, залог достаточно спокойного существования и в постоккупационный период.

В данном случае воссоединение произошло безболезненно. Очень многие пастыри, к которым не было «замечаний» со стороны специальных органов, остались служить на тех приходах, что и раньше. Перед митрополией стоял вопрос восстановления церквей, решения вопроса чисто правового характера, нежели покаяний со стороны духовных лиц.

Отметим, что в ряде случаев священники, стоявшие во главе благочиний при немцах, стали играть заметную роль и в послевоенном времени. Их неординарный управленческий талант пригодился в новых реалиях и был использован церковными властями.

Лучше всего данный тезис иллюстрирует ситуация с Новгородом, приходы которого входили в состав Ленинградской митрополии. Служивший в Новгородском районе в условиях нацистской оккупации благочинным протоиерей Василий Николаевский в завершающий период оккупации был эвакуирован в Латвию, однако вернулся в родные места. С конца 1944 года его начали «разыскивать» церковные власти в Ленинграде, с целью прояснения ситуации с приходами в Новгороде и окрестностях (известный факт, что жители Новгорода были выселены из города в конце 1941 года, после чего отец Василий перенес свое служение в Новгородский район).

Из документов, хранящихся в архиве Санкт-Петербургской епархии, мы узнаем, что в начале 1945 года протоиерей Василий Николаевский успел совершить поездку по Шимскому району нынешней Новгородской области, о чем сообщил владыке Григорию (Чукову)¹. Он детально описал какие церкви действовали, а также представил список священнослужителей, которые, с его точки зрения, должны были быть поощрены церковными наградами². Архиепископ Григорий (Чуков), при этом, подробно походил к представленному списку, четко отделяя кого следует наградить незамедлительно, а с выделением кого повременить³.

С нашей точки зрения, территория, ранее подвергавшаяся нацистской оккупации, не представляла для священноначалия Русской Православной Церкви существенных хлопот. Воссоединение местных православных приходов прошло достаточно безболезненно и без покаяний в грехе разделения. Перед Ленинградской митрополией стояло много неотложных задач, среди которых чуть ли не первостепенной проблемой являлось восстановление духовных школ. Появившееся окно возможностей на непродолжительный срок определило новый период в церковно-государственных отношениях, для которых был характерен «холодный мир» после долгой войны.

Что же касается приходов обновленческой ориентации, то их воссоединение через покаяние архиереев и пастырей стало еще более значительной вехой истории. Появившееся в Петрограде разделение просуществовало в городе на Неве довольно долго. Несмотря на то, что среди ее адептов были определенные дискуссии по поводу формы воссоединения, уже в 1944 году стало понятно, что пути назад у экс-обновленцев не было. Большинство из них нашли себя и в новой действительности. После присоединения к Московской Патриархии Свято-Троицкого храма в Лесном закончилась история и легального существования иосифлянских общин города. Новый 1945 год нес в себе совершенно иные проблемы, связанные, в первую очередь, с восстановлением приходской жизни.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Архив Санкт-Петербургской епархии. Ф. 1. Личные дела духовенства. Переписка.

¹ АСПБЕ. Ф. 1. Оп. 4(2). Д. 2. Л. 81.

² Там же. Л. 2.

³ Там же.

2. *Ломагин Н.А.* Неизвестная блокада. СПб.: Издат. дом «Нева»; М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. 960 с.
3. Православное церковное сопротивление в СССР: биографический справочник. 1928–1988 гг. / авт.-сост. М.В. Шкаровский и Д.А. Анашкин, отв. ред. М.В. Шкаровский. М.: РОССПЭН, 2013. 287 с.
4. Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб.). Ф. Р-7384: Санкт-Петербургский городской совет народных депутатов. Санкт-Петербург. 1917–1993.
5. ЦГА СПб. Ф. Р-9324: Уполномоченный по делам русской православной церкви при Совете Министров СССР по городу Ленинграду и области.
5. Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГАИПД СПб). Ф. Р-25: Ленинградский городской комитет КПСС.
6. *Шкаровский М.В.* Судьбы иосифлянских пастырей. Иосифлянское движение Русской Православной Церкви в судьбах его участников. Архивные документы. СПб.: Сатис, 2006. 588 с.